Pasynkov, N.

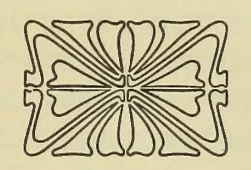
Graf Lev Nikolaevich Tolstoi; biografiia i razbor ego glavnykh proizvedenii

ГРАФЪ ЛЕВЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ТОЛСТОЙ.

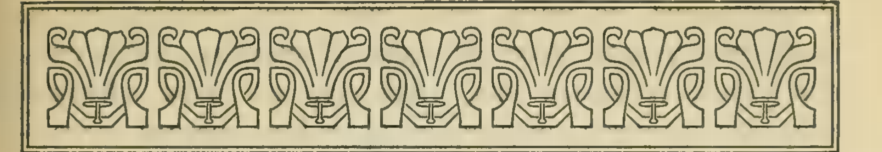
Н. ПАСЫНКОВЪ.

Графъ Левъ Николаевичъ ТОЛСТОЙ

БІОГРАФІЯ И РАЗБОРЪ ЕГО ГЛАВНЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ.

ПЛОЦКЪ. ▣ ТИПОГРАФІЯ СТ. ДЕТРИХА. ▣ 1912.

Гр. Левъ Николаевичъ ТОЛСТОЙ.

I. Біографія.

(1828 — 1910 г.).

Левъ Николаевичъ Толстой родился 28 августа 1828 г. въ селѣ Ясная Поляна Тульской губ. Какъ по отцу, такъ и по матери—онъ принадлежитъ къ стариннымъ и знатнымъ дворянскимъ родамъ. Отецъ его, отставной гусарскій подполковникъ, Николай Ильичъ, желая поправить растроенное свое состояніе, женился на богатой невѣстѣ — княжнѣ Маріи Николаевнѣ Волконской. Однакожъ, этотъ бракъ, заключенный по разсчету, оказался счастливымъ; впослѣдствіи въ „Войнѣ и Мирѣ“ Левъ Николаевичъ изобразилъ, хотя отчасти въ идеализированномъ видѣ, это семейную жизнь, въ лицѣ Николая Ростова (Толстого) и княжны Маріи Болконской (Волконской). Впрочемъ, хорошо знать и помнить свою мать Левъ

Николаевичъ не могъ, такъ какъ она умерла, когда ему было только полтора года. Нѣсколько лѣтъ спустя умеръ и отецъ его, такъ что съ 9-ти лѣтняго возраста Толстой, вмѣстѣ съ братьями своими, остался круглымъ сиротою. Воспитаніе дѣтей еще при жизни отца находилось въ рукахъ дальней родственницы Толстыхъ, проживавшей въ ихъ семьѣ, Татьяны Александровны Ергольской, женщины необычайной доброты, кротости и душевной чистоты, имѣвшей благотворное вліяніе на своихъ питомцевъ, которымъ она замѣняла мать. *) Теперь опекуншей малолѣтнихъ сиротъ Толстыхъ стала тетка ихъ по отцу, графиня Остенъ-Сакенъ, проживавшая въ Москвѣ, куда Толстые и были перевезены; но такъ какъ отъ отца осталось очень растроенное состояніе, то Ергольская снова переселилась съ своими питомцами въ Ясную Поляну, для сокращенія расходовъ. Въ Москвѣ у тетки опекунши остался только старшій изъ братьевъ Николай, какъ учившійся уже въ Университетѣ. По смерти графини Остенъ-Сакенъ (1840 г.), опека перешла къ другой теткѣ—Пелагеѣ Ильинишнѣ Юшковой, проживавшей въ Казани, которая и перевезла Толстыхъ къ себѣ. Въ 1844 г. Левъ Николаевичъ поступилъ въ Казанскій Университетъ, на филологическій факультетъ, съ котораго, спустя годъ, перешелъ на юридическій, гдѣ оставался только два года, и потомъ совсѣмъ вышелъ изъ Университета, не окончивъ курса. Неуспѣхъ этотъ зависѣлъ не отъ недостатка дарованій и способностей Толстого, а отъ внѣшнихъ лишь причинъ. Съ одной стороны, со-

---

*) Впослѣдствіи она изображена въ лицѣ Сони въ „Войнѣ и Мирѣ.“

ставъ профессоровъ на юридическомъ факультетѣ въ то время былъ очень невысокаго качества, чтобы можно было увлекаться ихъ преподаваніемъ. А съ другой—товарищеская студенческая среда аристократическихъ юношей, въ которой вращался Толстой, менѣе всего думала о научныхъ занятіяхъ, отдавшись всецѣло увлеченіямъ свѣтскою жизнью и всевозможными удовольствіями, съ нею связанными: балами, пикниками, любительскими спектаклями и т. д. И Толстой платилъ въ это время дань молодости. Родовитый молодой человѣкъ, онъ вездѣ былъ желаннымъ гостемъ. Его видѣли на всѣхъ балахъ, великосвѣтскихъ собраніяхъ и любительскихъ спектакляхъ. Разсѣянная свѣтская жизнь, понятно, мѣшала научнымъ занятіямъ. Быть человѣкомъ комильфотнымъ, блистать въ обществѣ, привлекать къ себѣ всеобщее вниманіе — вотъ въ чемъ заключался тогда высшій идеалъ для Толстого, который онъ стремился осуществить. Это своеобразное понятіе комильфотности состояло въ томъ, чтобы отлично говорить на французскомъ языкѣ, и особенно владѣть изящнымъ выговоромъ. Всякій, дурно произносившій слова по французски, былъ не комильфотнымъ и потому достойнымъ презрѣнія. Это первое и наиглавнѣйшее условіе. Второе же заключалось въ томъ, чтобы имѣть длинные, отчищенные и чистые ногти на рукахъ, а на лицѣ—неизмѣнное выраженіе нѣкоторой изящной, презрительной скуки. На основаніи этихъ признаковъ составлялось сужденіе о человѣкѣ: кто владѣлъ всѣмъ этимъ, тотъ считался достойнымъ уваженія,—если же нѣтъ, то подвергался полному презрѣнію. Но подобная пустая и безсодержательная жизнь не въ состояніи бы-

ла надолго удовлетворить человѣка съ такими богатыми дарованіями, какимъ былъ Толстой. Онъ начинаетъ отдаваться серьезному чтенію, преимущественно читаетъ сочиненія Руссо, оказавшія на него могущественное вліяніе ученіемъ о нравственномъ совершенствованіи. И вотъ идеалъ комильфотности замѣняется другимъ—о нравственномъ самоусовершенствованіи, стремленіемъ быть полезнымъ людямъ, обществу, безъ подраздѣленія его на благородныхъ и неблагородныхъ. Подъ вліяніемъ этихъ идей Толстой оставляетъ (1847 г.) Университетъ и поселяется въ Ясной Полянѣ, съ твердымъ намѣреніемъ заняться устройствомъ быта своихъ крестьянъ, улучшить ихъ положеніе. Но здѣсь его на первыхъ же порахъ встрѣтили всевозможныя неудачи и разочарованія, охладившія его порывы. *)

Слѣдующіе за этимъ годы Толстой провелъ частью въ Петербургѣ, частью въ Москвѣ. Однако, скоро ему надоѣла столичная жизнь, и, чтобы поразсѣяться, онъ поѣхалъ на Кавказъ къ любимому брату Николаю, служившему офицеромъ въ отрядѣ, дѣйствовавшемъ противъ горцевъ. По совѣту брата, Толстой также поступилъ на военную службу юнкеромъ въ артиллерію и участвовалъ во многихъ стычкахъ съ непріятелемъ. Здѣсь, на Кавказѣ, и началась его литературная дѣятельность. Первымъ (въ 1852 г.) было написано „**Дѣтство**“, напечатанное въ журналѣ Некрасова Современникъ; затѣмъ, послѣдовало „**Отрочество**“, какъ естественное продолженіе перваго, и цѣлый рядъ очерковъ и разсказовъ изъ Кавказской

---

*) Все это впослѣдствіи описано въ разсказѣ „*Утро помѣщика.*“

жизни („Набѣгъ“, „Рубка лѣса“, „Встрѣча въ отрядѣ“, „**Казаки**“,—послѣдній оконченъ, впрочемъ, значительно позднѣе—въ 1861 г.). Будучи произведенъ въ офицеры въ 1854 г., Толстой хотѣлъ выйти въ отставку, такъ какъ военная служба не удовлетворяла его; но въ это время началась война Севастопольская, и Левъ Николаевичъ переведенъ былъ въ Дунайскую армію, а затѣмъ — въ Севастополь, гдѣ пережилъ всѣ ужасы осады и паденіе крѣпости. Военныя впечатлѣнія Толстого отразились въ трехъ разсказахъ: „**Севастополь въ декабрѣ, въ маѣ и въ августѣ**“, которыя, благодаря самому сюжету своему, обратили на автора всеобщее вниманіе. Вся Россія, зорко слѣдившая за ходомъ войны, зачитывалась этими разсказами. Послѣ паденія Севастополя, Толстому было поручено ѣхать въ столицу и подать рапортъ Императору Николаю Павловичу. По окончаніи войны въ 1856 г., Левъ Николаевичъ вышелъ въ отставку.

Въ Петербургѣ Толстой познакомился съ современными лучшими литераторами, группировавшимися около журнала „Современникъ“, какъ-то: Тургеневымъ, Гончаровымъ, Островскимъ, Григоровичемъ и Дружининымъ. *) Впрочемъ, ни съ кѣмъ изъ нихъ Толстой не сошелся близко, вслѣдствіе разницы во взглядахъ. А съ Тургеневымъ дѣло едва не дошло даже до дуэли, и только въ послѣдніе годы жизни Тургенева, по почину его состоялось примиреніе. Предъ смертью Тургеневъ написалъ, (уже лежа въ постели, карандашомъ), трогательное письмо къ Тол-

---

*) Отъ этого времени сохранилась фотографическая группа, гдѣ Толстой, еще въ военномъ мундирѣ, снятъ съ Тургеневымъ и другими названными писателями.

стому, называя его „великимъ писателемъ земли русской“ и умоляя его вернуться къ литературной дѣятельности.

Проживъ въ Петербургѣ не болѣе года, Толстой снова поселился въ Ясной Полянѣ, гдѣ занялся сельскимъ хозяйствомъ съ особымъ увлеченіемъ. Къ данному времени онъ уже разочаровался въ полезности литературныхъ занятій съ точки зрѣнія блага для народа. *)

Въ 1857 г. Левъ Николаевичъ предпринялъ продолжительное путешествіе по Западной Европѣ, изъ котораго вынесъ онъ впечатлѣніе далеко не въ пользу западно-европейской культуры. На ряду съ непомѣрнымъ богатствомъ, безумною роскошью и мотовствомъ богатой буржуазіи и аристократіи, онъ видѣлъ вопіющую нищету, убожество, голодъ и необразованность пролетаріата. Свое разочарованіе въ прогрессѣ онъ выразилъ въ небольшомъ разсказѣ „Люцернъ“, составленномъ на основаніи лично пережитаго имъ случая.**) Въ 1860 году Левъ Николаевичъ вторично

*) Этотъ взглядъ впослѣдствіи выраженъ имъ въ „Исповѣди“, гдѣ онъ говоритъ: „Литература, какъ и откупа, есть только искусная эксплоатація, выгодная для ея участниковъ и негодная для народа... напримѣръ, есть сочиненія Пушкина, Гоголя, Тургенева... есть журналы... но все это, не смотря на давность существованія, неизвѣстно, не нужно для народа и не приноситъ ему никакой выгоды... Ни пахать, ни дѣлать квасъ, ни плесть лапти, ни рубить срубы, ни пѣть пѣсни, ни даже молиться, не учится и не научится народъ изъ книгъ.“

**) Передъ одной изъ самыхъ роскошныхъ гостинницъ Люцерна цѣлыхъ полчаса игралъ на гитарѣ и пѣлъ голодный нищій итальянецъ. Собралась вокругъ масса народа; когда же, окончивъ пѣніе, нищій попросилъ денегъ, то отвѣтомъ ему былъ только смѣхъ. „Отчего этотъ безчеловѣчный фактъ, невозможный ни въ какой деревнѣ, нѣмецкой, фвранцузской или итальянской, возможенъ здѣсь, гдѣ цивилизація, свобода и равенство доведены до высшей степени, гдѣ собираются путешествующіе, самые цивилизованные люди самыхъ цивилизованныхъ націй?“

былъ за границей, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Николаемъ, больнымъ чахоткой, съ лѣчебной цѣлью, но братъ тамъ и умеръ на рукахъ Льва Николаевича. Къ этому времени относится знакомство Толстого съ лучшими европейскими педагогами и народными писателями (Дистервегъ, Ауербахъ и др.).

По возвращеніи въ Ясную Поляну, Левъ Николаевичъ съ увлеченіемъ отдается дѣлу народнаго образованія. Онъ устраиваетъ здѣсь народную школу на особыхъ совершенно основаніяхъ, вполнѣ свободную, откуда всякая принудительная дисциплина была совершенно изгнана. *) Для пропаганды своихъ взглядовъ на воспитаніе и образованіе, Толстой издавалъ свой спеціально педагогическій журналъ „Ясная Поляна", гдѣ на ряду съ теоретическими статьями по вопросамъ о воспитаніи и обученіи помѣщалъ разсказы, записанные со словъ дѣтей, или созданные для ребятъ имъ самимъ. Эти педагогическія занятія продолжались три года. Въ то же время Толстой несъ общественную службу, въ качествѣ мирового посредника, являясь защитникомъ крестьянскихъ интересовъ.

---

*) Ученики приходили и уходили, когда хотѣли, дѣлали, что имъ угодно, учились тѣмъ предметамъ и въ томъ видѣ, какъ имъ нравилось, безъ всякаго принужденія. Разсаживались не по стрункѣ за партами, а размѣщались, гдѣ кому было удобнѣе: одни лежали на животѣ, другіе разваливались на креслѣ, третьи скучивались гдѣ нибудь въ уголкѣ или у окошка. Никакихъ принужденій и приказаній не допускалось. „Всякое принужденіе вредно и указываетъ на недостатокъ самого метода преподаванія. Чѣмъ меньше съ принужденіемъ учатся дѣти, тѣмъ методъ лучше; чѣмъ—съ большимъ, тѣмъ хуже." И, вотъ, въ этой свободной школѣ-республикѣ преподаваніе шло необыкновенно успѣшно; по образцу ея открыты были другія школы.

Въ 1862 году Толстой женился на дочери извѣстнаго московскаго врача Софьѣ Андреевнѣ Берсъ. Семейная жизнь сложилась очень счастливо. Обыкновенно, большую часть года Левъ Николаевичъ проводилъ въ своемъ имѣніи и только на короткое время пріѣзжалъ въ Москву. Хозяйственныя заботы чередовались съ литературными занятіями и умственнымъ трудомъ. Въ эти годы спокойной и довольной жизни, Толстой самъ написалъ два самыхъ лучшихъ и крупныхъ произведенія — романы **„Война и Миръ“** (1864—69) и **„Анна Каренина“** (1873—76).

Но въ то время какъ художественное творчество Льва Николаевича достигло наибольшей высоты, въ немъ совершился душевный переворотъ, который привелъ его къ отрицанію всей его прежней дѣятельности, къ осужденію прежней жизни и къ рѣшенію отказаться отъ литературы. *) Съ 80-хъ годовъ, къ величайшему сожалѣнію всей читающей публики, не только въ Россіи, но и заграницей, гдѣ Льва Николаевича считаютъ однимъ изъ лучшихъ европейскихъ художниковъ слова нашего времени, прекращается художественная дѣятельность писателя. Съ этого времени всѣ интересы Толстого вращаются около религіозно-философскихъ вопросовъ, изъ которыхъ кардинальнымъ является вопросъ о жизни и смерти. Съ этого времени онъ пишетъ разсказы и книжки для народа, которые, быть можетъ, и имѣютъ свои достоинства, но во всякомъ случаѣ далеко уступаютъ прежнимъ его художественнымъ произведеніямъ, до-

---

*) Это душевное движеніе имъ изображено въ „Исповѣди“, выдержки изъ которой приводились выше.

ставившимъ ему міровую славу. *) Во всѣхъ произведеніяхъ этого послѣдняго періода Толстой пытается разрѣшить задачу, въ чемъ заключается истинная жизнь и истинное дѣло человѣка, зачѣмъ онъ живетъ, и какой смыслъ жизни міра и самого человѣка. Онъ пытается найти рѣшеніе этихъ вопросовъ въ вѣрѣ; съ пламеннымъ увлеченіемъ онъ изучаетъ текстъ Евангелія и создаетъ свое толкованіе христіанства, идущее въ разрѣзъ съ ученіемъ православной церкви. Онъ пишетъ на религіозныя темы книги „Въ чемъ моя вѣра" и „Царство Божіе внутри насъ", въ которыхъ христіанство трактуется не какъ Богооткровенное ученіе, съ его догматами, а какъ новое жизнепониманіе съ своеобразною моралью. Наконецъ, Русская церковь 22 февраля 1901 года отлучаетъ его отъ своей среды, какъ сектанта и еретика. **) Но ученіе его находитъ не мало сторонниковъ во всѣхъ концахъ міра, и онъ пріобрѣтаетъ безпримѣрный въ исторіи нравственный авторитетъ среди читающаго человѣчества. Въ Ясную Поляну нерѣдко пріѣзжаютъ выдающіеся иностранные писатели, ученые, общественные дѣятели, чтобы лично познакомиться съ „великимъ писателемъ земли русской". Въ Германіи, Англіи и Америкѣ существуютъ спеціальныя

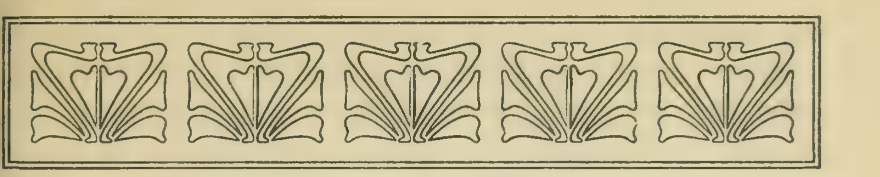
*) Такими произведеніями являются за это время: „Чѣмъ люди живы", „Богъ правду видитъ, да не скоро скажетъ", „Упустишь огонь— не потушишь", комедія „Винокуръ", „Свѣчка", „Два старика", „Гдѣ любовь, тамъ и Богъ" и др. „Разсказы эти, при всей простотѣ и прекрасномъ языкѣ, производятъ непріятное впечатлѣніе обиліемъ въ нихъ чудеснаго элемента, при чемъ обнаруживается искуственная поддѣлка подъ народныя легенды и сказки. Предвзятость и тенденціозность сквозитъ въ нихъ изъ каждой строки" (Скабичевскій).

**) См. Сочин. Прот. Синайскаго „О падшихъ и отлученныхъ" 1908 г. стр. 82—89.

Общества, задавшіяся цѣлью изученія произведеній Толстого. Даже въ отдаленной Японіи есть у него поклонники и почитатели. Кажется, со временъ Гёте исторія не знаетъ примѣра, чтобы писатель пользовался такимъ всеобщимъ признаніемъ, какъ Толстой. Правда, его религіозные и философскіе взгляды вызываютъ съ разныхъ сторонъ возраженія, но какъ **художникъ слова** Толстой признается всѣми.

Не смотря на отрицаніе литературы какъ искусства, Толстой все же не могъ устоять противъ являвшихся временами настойчивыхъ порывовъ художественнаго творчества своего и въ 80-хъ годахъ подарилъ свѣту еще нѣсколько чудныхъ своихъ произведеній. Таковы: „Смерть Ивана Ильича“ (1886 г.), драма „Власть тьмы“ (1886), комедія „Плоды просвѣщенія“ (1889), „Крейцерова соната“ (1890 г.), „Хозяинъ и работникъ“ (1895 г.) и, наконецъ, большой романъ „Воскресеніе“ (1899 г.), хотя всѣ они являются окрашенными общей идеей его послѣдняго періода. 28 августа 1908 г. весь міръ чествовалъ русскаго генія по поводу 80-лѣтія его жизни, а 7 ноября 1910 г. послѣдовала его смерть.

Разборъ главныхъ произведеній Л. Н. Толстого.

Главная и преобладающая идея въ произведеніяхъ Толстого.

Л. Н. Толстой принадлежитъ къ числу тѣхъ геніальныхъ натуръ, въ душѣ которыхъ каждое жизненное впечатлѣніе вызываетъ глубокій, неизгладимый слѣдъ. Малѣйшее жизненное противорѣчіе, мимо котораго мы проходимъ равнодушно, отзывается въ душѣ такихъ людей, какъ Толстой, болѣзненной мукой. Пытливый умъ ихъ постоянно стремится проникнуть въ сущность вещей. Вслѣдствіе этого въ глубинѣ души ихъ лежитъ постоянно тяжелая тоска, и вмѣстѣ съ тѣмъ душа ихъ стремится погрузиться въ мистическія глубины и тамъ найти рѣшенія всѣмъ своимъ жгучимъ вопросамъ.

Принадлежа по своему происхожденію къ дворянскому сословію, но въ жизни своей сталкиваясь близко и съ людьми другихъ общественныхъ поло-

женій. Толстой хорошо изучилъ и знаетъ какъ бытъ дворянъ эпохи крѣпостного права, такъ и крестьянъ, казаковъ и простыхъ солдатъ. Съ послѣдними онъ близко познакомился, служа въ арміи на Кавказѣ и при оборонѣ Севастополя. Вооружившись правдой и безпристрастіемъ, какъ руководящей исходной точкой при наблюденіи и изображеніи русской жизни, Толстой поставилъ себѣ вопросъ, гдѣ больше истины, красоты душевной: въ средѣ-ли образованнаго сословія, или же въ простомъ народѣ. Для рѣшенія этого вопроса онъ заставляетъ своихъ героевъ, молодыхъ людей образованнаго класса, входить въ сношенія съ простыми людьми, наблюдать ихъ жизнь, и отвѣтъ получился не въ пользу образованнаго общества. Мысль, что народъ простой сохранилъ въ себѣ больше вѣры, правды, душевной красоты—красною нитью проходитъ чрезъ всѣ произведенія Толстого.

„Дѣтство", „Отрочество" и „Юность".

„Дѣтство" и „Отрочество" были первыми литературными произведеніями Толстого. Какою юношескою свѣжестью вѣетъ отъ нихъ, сколько обаятельной, чарующей прелести, поэзіи можно найти въ описаніяхъ красотъ природы, дѣтскихъ впечатлѣній, игръ симпатій и антипатій ребенка! Но вмѣстѣ съ тѣмъ уже въ нихъ сказывается характерная общая черта всѣхъ произведеній Толстого—разладъ въ жизни между тѣмъ, что есть, и тѣмъ, что должно быть. Читая эти повѣсти, вы видите, какъ шагъ за шагомъ изъ исполненнаго всяческихъ прекрасныхъ задатковъ ребенка выработывается постепенно тщеславный и въ сущ

ности пустой молодой человѣкъ, все вниманіе котораго обращено на внѣшнюю порядочность (комильфотность). Уже при самомъ началѣ воспитанія поражаетъ здѣсь полная отчужденность ребенка отъ жизни взрослыхъ, отъ интересовъ семьи. Онъ не участвуетъ ни въ какихъ трудахъ своихъ родныхъ, въ ихъ радостяхъ и печаляхъ. Въ силу такой отчужденности ребенокъ предоставленъ полной умственной и нравственной праздности. Отъ природы у него на каждомъ шагу возникаютъ живые вопросы по поводу всего окружающаго, но никто не заботится дать на нихъ отвѣтъ. Вмѣсто того мальчика забиваютъ рутинной школьной дрессировкой. Не пріученный такимъ образомъ ни къ какому живому труду, успѣшное совершеніе котораго удовлетворяло бы его самолюбіе, юноша ищетъ этого удовлетворенія въ грезахъ, воображая себя олицетвореніемъ разныхъ величественныхъ идеаловъ. Дѣйствительность же на каждомъ шагу разбиваетъ это самообольщеніе, и юноша вслѣдъ за этимъ начинаетъ чувствовать себя ничтожнымъ, жалкимъ, стыдится за каждое свое слово и движеніе.

Результатомъ подобнаго воспитанія, которое получало большинство тогдашняго привиллегированнаго юношества, являлось отсутствіе всякаго внутренняго содержанія, неудержимое стремленіе къ внѣшнему блеску и, вмѣсто всякихъ нравственныхъ правилъ, крайне щепетильное соблюденіе одного внѣшняго приличія. Иронія Толстого съ особенной силой обнаруживается, когда онъ показываетъ, что даже такое священное дѣло, какъ говѣніе, у подобныхъ героевъ не обходится безъ рисовки и любованія самимъ со-

бою (Разговоръ Иртеньева съ извощикомъ послѣ исповѣди въ монастырѣ).

Отсутствiе внутреннихъ достоинствъ при встрѣчѣ съ людьми, превышающими героя въ этомъ отношенiи, и крайне развитое самолюбiе его вызываетъ его даже на хвастовство и притомъ весьма низкопробное (Разсказы его о родствѣ съ княземъ Иваномъ Ивановичемъ, о богатствѣ послѣдняго, его дачѣ, чугунной рѣшеткѣ, будто бы стоившей 380 тыс. руб. и пр.).

Живая среда серьезной трудящейся университетской молодежи, съ которой сталкивается герой при своемъ поступленiи въ Университетъ, не могла уже произвести на него, испорченнаго первоначальнымъ воспитанiемъ, благотворнаго влiянiя, не могла пересоздать его. Научныя занятiя были для него лишь мертвымъ обрядомъ, а не живымъ дѣломъ, которому онъ могъ бы отдаться всей своей душей. Умственный трудъ не могъ сдѣлаться для него наслажденiемъ, не могъ выработать въ немъ той высшей гуманности, той широты пониманiя, безъ которыхъ человѣку не дается ни разумное пользованiе жизнью, ни счастливая способность приносить пользу себѣ, своему семейству и родному краю. Каждый изъ такихъ героевъ, подобно Онѣгину,

Доживъ безъ цѣли, безъ трудовъ,
До двадцати пяти годовъ,
Безъ службы, безъ жены, безъ дѣлъ,
Ничѣмъ заняться не умѣлъ.

„Утро помѣщика“.

„Утро помѣщика“ представляетъ собой изображенiе дальнѣйшей судьбы того же искалѣченнаго

первоначальнымъ воспитаніемъ героя. Въ этой повѣсти особенно рельефно проявилось различіе Толстого отъ другихъ беллетристовъ того времени. Прочіе беллетристы выставляли, обыкновенно, безхарактерность своихъ героевъ помѣщичьей среды главнымъ образомъ въ отношеніи ихъ собственной личной семейной жизни. Въ тоже время они предполагали, что въ той же средѣ существуютъ и люди очень порядочные, (Волынцевъ, Лежнинъ у Тургенева), и даже идеальные (Штольцъ у Гончарова). Толстой рисуетъ своихъ героевъ главнымъ образомъ въ ихъ сношеніяхъ съ различными слоями общества, въ особенности же—съ народомъ. Въ тоже время онъ изображаетъ не только пороки и недостатки помѣщичьей среды, но обращаетъ вниманіе на ложность самого общественнаго положенія помѣщиковъ и показываетъ, что при всѣхъ ихъ нравственныхъ совершенствахъ, при всѣхъ энергическихъ стремленіяхъ къ добру и пользѣ, условія ихъ жизни и отношенія къ людямъ такъ не нормальны, что всѣ самыя симпатичныя стремленія не только не имѣютъ успѣха, но могутъ превратиться въ попраніе человѣческихъ правъ и вмѣсто добра и пользы принести зло и вредъ. (Стремленія Нехлюдова помочь крестьянской нуждѣ и улучшить крестьянское хозяйство).

Указанныя сейчасъ повѣсти, несомнѣнно, навѣяны не только наблюденіями со стороны, но въ очень сильной степени — личнымъ тяжелымъ опытомъ. Авторъ самъ пережилъ все это, прошелъ чрезъ такое воспитаніе и терпѣлъ такія же неудачи и разочарованія при столкновеніи съ живой жизнью.

„Казаки“.

Самъ авторъ чувствуется и въ героѣ слѣдующей повѣсти „Казаки“. Испытавши цѣлый рядъ безплодныхъ порывовъ, отдаваясь, впрочемъ до извѣстнаго предѣла, и свѣтской жизни, и службѣ, и хозяйству, и музыкѣ, герой указанной повѣсти Оленинъ въ одинъ прекрасный день вдругъ пришелъ къ убѣжденію, что вся окружающая его жизнь искусственна, нелѣпа, полна лжи. Поэтому необходимо сразу разорвать съ ней и начать новую жизнь, простую, естественную, среди дѣтей природы, неиспорченныхъ цивилизацiей.*) Съ этою цѣлію онъ уѣзжаетъ на Кавказъ, зачисляется юнкеромъ въ кавказскую армію и поселяется среди простыхъ казаковъ, въ казачьей станицѣ. Оленинъ старается приблизиться здѣсь въ образѣ своей жизни къ этимъ простымъ, совсѣмъ малокультурнымъ людямъ. Онъ проводитъ всѣ дни на охотѣ, въ бесѣдахъ съ казаками, особенно съ однимъ изъ нихъ Ерошкою. Но и здѣсь сказалась испорченная предыдущимъ воспитаніемъ натура: онъ доходитъ до сознанія, что всѣ эти попытки переродиться, слиться съ непосредственными дѣтьми природы, съ людьми труда и борьбы, ничего не приносятъ этимъ людямъ, кромѣ вреда и горя. **) Для него оказывается выборъ одинъ только — оставить ихъ въ покоѣ и вернуться къ прежней своей жизни, къ какой онъ приспособленъ

*) Здѣсь впервые высказалось отрицательное отношеніе Толстого къ современной культурной жизни, въ которой онъ видитъ одну лишь фальшь и обманъ.

**) Его душевная исповѣдь въ главѣ XXXIII.

былъ своимъ предыдущимъ воспитаніемъ. Онъ и дѣлаетъ это, перейдя въ штабъ. Находясь въ близкомъ общеніи съ народомъ въ деревнѣ, въ казачьей станицѣ, въ походѣ, герои Толстого находятъ слѣды искомаго идеала — правду, искренность, самоотверженіе, вѣрность долгу, истинную храбрость не для отличія и креста въ простыхъ солдатахъ и въ тѣхъ изъ офицеровъ, которые принадлежатъ къ такъ называемому смиренному типу, близко подходящему по своему духу къ народу. „То, что дѣлаютъ эти русскіе простые люди, говоритъ авторъ, дѣлаютъ они такъ просто, такъ мало напряженно и усиленно, что вы убѣждены, что они могутъ сдѣлать во сто разъ больше, они могутъ сдѣлать все.“ Изъ такихъ простыхъ настоящихъ героевъ нарисованы Толстымъ съ особенною любовью типы въ родѣ казака Ерошки (пов. Казаки), солдатъ Валенчукъ (Рубка лѣса), капитанъ Хлоповъ (Набѣгъ). „Въ фигурѣ капитана Хлопова было очень мало воинственнаго, но за то въ ней такъ было много истинной простоты, что она необыкновенно поразила меня.“ Во время сраженія „онъ былъ такимъ же, какъ я видѣлъ его всегда: тѣ же спокойныя движенія, тотъ же ровный голосъ, то же выраженіе безхитростности на его некрасивомъ, но простомъ лицѣ... Капитанъ еще прежде нравился мнѣ: у него была одна изъ тѣхъ простыхъ, спокойныхъ русскихъ физіономій, которымъ пріятно и легко смотрѣть въ глаза.“

Севастопольскіе разсказы.

Въ севастопольскихъ разсказахъ со всей силой проявляется еще одна черта таланта Л. Н. Толстого—

это художественный реализмъ. Военныя дѣйствія изображаются здѣсь во всей своей прозаичности, такъ, какъ они совершаются на самомъ дѣлѣ, а не въ такомъ видѣ, какъ они изображались часто въ разсказахъ хвастливыхъ очевидцевъ и въ произведеніяхъ писателей романтическаго періода. Чтобы понять, какой громадный шагъ сдѣлала въ этомъ отношеніи литература, слѣдуетъ сравнить описаніе войны у Толстого съ такими же описаніями у Пушкина или Лермонтова. Здѣсь вы не найдете и слѣда такихъ ужасовъ, чтобы „рука бойцовъ колоть устала,“ и „ядрамъ пролетать мѣшала гора кровавыхъ тѣлъ“. Въ этомъ отношеніи Толстой имѣлъ полное право сказать: „герой моей повѣсти, котораго я люблю всѣми силами души, котораго я старался воспроизвести во всей красотѣ его и который всегда былъ, есть и будетъ прекрасенъ — это правда.“ *) Онъ, такимъ образомъ, въ своихъ разсказахъ срываетъ съ войны ореолъ мишурнаго блеска и видитъ въ ней величайшее зло человѣчества. Вы видите здѣсь и всю отвратительную оборотную сторону медали: видите перевязочный пунктъ, заваленный изуродованными людьми лазаретъ, ампутаціи, видите ужасное, потрясающее душу зрѣлище — видите войну не въ правильномъ красивомъ и блестящемъ строѣ, съ музыкой, барабаннымъ боемъ, съ развѣвающимися знаменами и гарцующими генералами, а видите войну въ ея настоящемъ выраженіи—въ крови, страданіяхъ, смерти. Благодаря

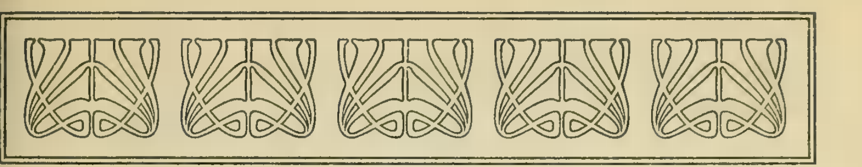
*) У Пушкина былъ противоположный этому взглядъ:
Тьмы низкихъ истинъ намъ дороже
Насъ возвышающій обманъ......

такому реализму, изображеніе войны у Толстого производитъ потрясающее впечатлѣніе, которое можно сравнить съ впечатлѣніемъ, производимымъ военными картинами Верещагина. Но Толстой вкладываетъ въ разсказы еще особыя мысль и чувство; въ нихъ ясно выражена, хотя и не сполна развита, мысль о непримиримомъ противорѣчіи между войной и основными требованіями христіанской морали и человѣческой совѣсти. Въ сценѣ перемирія для уборки труповъ Толстой говоритъ:... выставлены бѣлые флаги, долина наполнена мертвыми тѣлами... тысячи людей толпятся, смотрятъ, говорятъ и улыбаются другъ другу. И эти люди, христіане, исповѣдующіе одинъ великій законъ любви и самоотверженія, глядя на то, что они сдѣлали, съ раскаяніемъ не упадутъ вдругъ на колѣни предъ Тѣмъ, Кто, давъ имъ жизнь, вложилъ въ душу каждаго, вмѣстѣ со страхомъ смерти, любовь къ добру и прекрасному, и со слезами радости и счастья не обнимутся, какъ братья?... Бѣлые флаги спрятаны, и снова свистятъ орудія смерти и страданій, снова льется невинная кровь и слышатся стоны и проклятія.“

Кромѣ этой основной мысли разсказовъ, они невольно привлекаютъ вниманіе читателя, какъ богатая галлерея типовъ военныхъ людей—отъ полководца, офицера до скромнаго, незамѣтнаго солдата. Вотъ, штабсъ-капитанъ Михайловъ, добросовѣстный служака, онъ достаточно храбрый, но считаетъ за особое счастіе для себя пройтись подъ руку съ „аристократами“, адъютантомъ Калугинымъ и княземъ Гальцинымъ, и стѣсняется вступить въ разговоръ на гуляньѣ съ нѣкоторыми изъ своихъ боевыхъ то-

варищей потому лишь, что одинъ изъ нихъ ходитъ безъ перчатокъ, а другой говоритъ слишкомъ громко и развязно (мелкое тщеславіе). Адъютантъ Калугинъ проявляетъ храбрость только изъ жажды отличій и наградъ и т. д. Но съ особенною любовью авторъ останавливается на изображеніи солдатъ. Не напрашиваясь на героизмъ, не помышляя о немъ, они—то, по изображенію Толстого, и являются настоящими истинными героями, въ большинствѣ случаевъ дающими исходъ каждому сраженію.

„ВОЙНА И МИРЪ".

Высота и интенсивность художественнаго творчества въ романѣ.

„Война и миръ" не только романъ, сколько громадная эпопея (повѣствованіе), обнимающая всю русскую жизнь начала XIX столѣтія, во всей ея полнотѣ и во всѣхъ ея проявленіяхъ, начиная съ такихъ крупныхъ историческихъ событій, какъ Лейпцигская битва, пожаръ Москвы, и кончая мелкими, повседневными фактами общественной, частной и семейной жизни. Эпически спокойный и широкій разсказъ автора при этомъ захватываетъ собой всѣ слои общества. Онъ вводитъ насъ и въ гостинную придворной дамы и въ кабинетъ непобѣдимаго императора и въ типичный помѣщичій домъ Ростовыхъ, въ массонскую ложу, знакомитъ съ жизнью русской арміи, съ одинаковою художественностью вводя насъ въ интересы простыхъ армейскихъ солдатъ. Вездѣ, гдѣ Толстой въ своемъ произведеніи живописуетъ, не проводя никакихъ философскихъ или моральныхъ идей, онъ до-

ходитъ до геніальнаго величія. Такія страницы романа, какъ пожаръ Москвы, Бородино, смерть Андрея Болконскаго. катанье зимою на тройкахъ въ деревнѣ—производятъ потрясающее впечатлѣніе, какъ будто вы смотрите на безсмертныя картины великихъ художниковъ.

Одинъ изъ критиковъ говоритъ: давно художество не обнаруживало своего всепобѣднаго, неотразимаго дѣйствія. Всѣ были поражены объективностью, образностью. Трудно представить образы болѣе отчетливые, краски болѣе яркія. Точно видишь все то, что описывается, слышишь всѣ звуки того, что совершается. Авторъ ничего не разсказываетъ отъ себя; онъ прямо, какъ въ драмѣ, выводитъ лица и заставляетъ ихъ говорить, чувствовать и дѣйствовать, при чемъ каждое слово и каждое движеніе вѣрны до изумительной точности, т. е. вполнѣ отвѣчаютъ характеру того лица, которому принадлежатъ. Какъ будто имѣешь дѣло съ живыми людьми и при томъ видишь ихъ гораздо яснѣе, чѣмъ умѣешь видѣть въ дѣйствительной жизни.

Типы въ романѣ „Война и миръ". Четыре категоріи типовъ.

Не менѣе поражаетъ читателя и рядъ типовъ, обрисовывающихъ все содержаніе великосвѣтской среды изображаемой эпохи. Такіе характеры, какъ семейство Болконскихъ, Курагиныхъ, Ростовыхъ, Пьеръ Безуховъ, Долотовъ, Билибинъ—нисколько не менѣе существенны, чѣмъ типы „Мертвыхъ душъ" Гоголя.

Гипы эти изслѣдованы во всѣхъ основныхъ мотивахъ своей жизни и въ самыхъ мельчайшихъ душевныхъ движеніяхъ. Всѣхъ ихъ можно раздѣлить на четыре разряда, или категоріи.

Къ первой категоріи относятся люди размышляющіе, читающіе, развившіе въ себѣ высшіе умственные и нравственные идеалы и стремленія, желающіе осмыслить свою жизнь, вникнуть въ ея цѣль и назначеніе и, сообразно съ тѣмъ, устроить и расположить ее. Таковы: Болконскіе—дочь княжна Марія, и сынъ—Андрей, таковъ Пьеръ Безухій.

Ко второй категоріи относятся Ростовы. Это люди, у которыхъ вы найдете много человѣчности,—они способны безкорыстно любить и увлекаться, способны подъ вліяніемъ минуты на высокій подвигъ, но въ тоже время это взрослые дѣти, съ безмятежными дѣтскими вѣрованіями и воззрѣніями на міръ, слѣпо отдающіеся настоящей минутѣ, вѣчно жаждущіе широкого веселья, счастья. Если въ жизни и встрѣтится имъ горькая минута, то она не оставитъ по себѣ въ нихъ глубокаго слѣда, они мигомъ утѣшатся и опять довольны и веселы. Если подвергнутся обстоятельства, разрушающія неприкосновенность ихъ дѣтскихъ воззрѣній, то они слѣпо гонятъ ихъ прочь, считаютъ чуть не преступленіемъ допустить въ себѣ малѣйшую самостоятельность мысли.

Къ третьей категоріи принадлежатъ карьеристы, въ родѣ Бориса Друбецкаго, Берга, выслуживающіеся и наживающіеся. Приглаженные, вѣчно лощеные, умѣренные въ своихъ страстяхъ и привычкахъ, сдержанные и почтительные, они имѣютъ видъ порядочныхъ людей, но въ сущности главной основной дви-

жущей пружиной ихъ жизни является эгоизмъ. Ихъ дружба и любовь опредѣляются личными ихъ интересами. Правда, они не сдѣлаютъ безъ нужды зла, но и безкорыстнаго добра отъ нихъ не ждите. Въ то же время въ своихъ служебныхъ видахъ они предпочитаютъ забираться въ высшія сферы, гдѣ низко поклонничая и услуживая, ловя удобные моменты, они втираются незамѣтно въ довѣріе, становятся на равную ногу и стремятся пробраться еще по возможности выше.

Четвертая категорія — каковы Курагины, Долотовъ, представляютъ крайнюю степень нравственной извращенности. Это—римляне эпохи паденія, люди къ которымъ приближаться крайне опасно. Для нихъ ничего не стоитъ, въ видахъ своей личной выгоды и даже ради минутной прихоти, лишить ближняго не только чести, или обезпеченія, но и самой жизни. Самые страшные изъ нихъ тѣ, которые, при всей своей внутренней чудовищности, сохраняютъ извѣстную долю сдержанности, также изворотливости, умѣютъ даже надѣвать на себя маску различныхъ добродѣтелей, какъ, напр., князь Куракинъ. Не менѣе ужасенъ и Долотовъ, съ своею отчаянною дерзостью, стальными нервами и обаяніемъ недюжинныхъ силъ. Въ лицѣ Долотова Толстой окончательно развѣнчиваетъ тотъ типъ непонятыхъ, мрачнотаинственныхъ натуръ, который въ тридцатые и сороковые годы былъ въ такомъ ореолѣ. Долотовъ—это почти тотъ же Печоринъ, но вмѣсто удивленія возбуждающій одно только отвращеніе. При правдивомъ изображеніи Толстого, для читателя вполнѣ ясно, что бреттерство Долотова было лишь напускнымъ, и справедли

вое негодованіе невольно овладѣваетъ душей читателя при видѣ того, какъ Долотовъ изъ за минутнаго удовлетворенія своего тщеславія, изъ за пустого молодечества, рискуетъ своею жизнью, тогда какъ знаетъ, что онъ—единственная поддержка, единственная надежда своей старушки матери и больной сестры, любящихъ его до самопожертвованія.

Основная идея романа „Война и миръ".

Но не однимъ художественнымъ элементомъ ограничивается достоинство романа „Война и миръ" Толстого. Мы видимъ въ немъ цѣлую философію исторіи, которая первоначально вплеталась въ самый текстъ романа, а потомъ была выдѣлена въ особую часть. Изъ нея открывается, что хотѣлъ сказать своимъ романомъ авторъ, въ чемъ заключается основная мысль этого литературнаго произведенія.

Романъ „Война и миръ" по преимуществу романъ историческій и, кромѣ правдиваго изображенія хода историческихъ событій и состоянія государства и общества въ данное время, имѣетъ цѣлію рѣшить одинъ весьма важный историческій вопросъ, насколько такъ называемые великіе люди, люди съ выдающимися, геніальными, политическими и военными способностями, вліяютъ на ходъ исторической жизни, могутъ повернуть, сообразно съ своими идеями, ходъ историческихъ событій.

Въ русской исторической литературѣ предыдущаго періода, этотъ вопросъ рѣшался въ положительномъ смыслѣ: вліяніе геніальныхъ людей на ходъ исторической жизни признавалось несомнѣннымъ и да-

же исключительнымъ. Всѣ выдающіяся явленія міровой исторіи приписывались главнымъ образомъ вліянію великихъ людей. Въ такомъ духѣ, напр., написана была „Исторія Государства Россійскаго“ Карамзинымъ; та же мысль повторялась во всѣхъ беллетристическихъ произведеніяхъ, носившихъ историческій характеръ—историческихъ драмахъ, повѣстяхъ и романахъ.

Толстой высказываетъ и стремится доказать совершенно противоположную мысль. Весь ходъ исторической жизни, въ крупныхъ и малыхъ ея проявленіяхъ, подготовляется и вытекаетъ изъ ествественныхъ историческихъ условій, „вліяніе же великихъ людей на ходъ этихъ событій, по словамъ автора, есть нѣчто только внѣшнее, фиктивное (кажущееся).“ Они сами находятся подъ вліяніемъ этихъ историческихъ условій и стремятся лишь къ тому, что требуется этими условіями, являются безсознательными орудіями хода историческихъ событій. Эту мысль авторъ стремится доказать на событіяхъ начала только что минувшаго XIX столѣтія. Онъ говоритъ, что такое событіе, какъ народная война, совершенно не была дѣломъ ни Наполеона, ни Александра I, а вызывалась естественными условіями исторической жизни. Оба эти императора до такой степени были во власти событій, что по волѣ ихъ то становились врагами, то заключали миръ и обмѣнивались взаимными любезностями, то снова переходили къ враждебнымъ отношеніямъ и дѣйствіямъ. Словомъ, Толстой переходитъ уже къ другой крайности: совершенно отрицаетъ всякое вліяніе великихъ людей самихъ по себѣ на историческую жизнь народовъ. Эта мысль

является главной во всемъ романѣ и проходитъ основной нитью по всѣмъ отдѣльнымъ подробностямъ его.

„Такъ называемые великіе люди, говоритъ Толстой, суть только ярлыки, дающіе наименованіе событіямъ, на дѣлѣ же никакого вліянія на событія не имѣютъ. Исходъ сраженія обыкновенно зависитъ не отъ полководца, а отъ настроенія массъ, отъ общаго духа войскъ. Всѣ усилія Наполеона разбились о стойкость русскихъ солдатъ, поддерживаемую въ нихъ скрытой теплотой патріотизма. Для изученія законовъ исторіи, замѣчаетъ Толстой дальше, мы должны измѣнить совершенно предметъ наблюденія, оставить въ покоѣ царей, министровъ и генераловъ, а изучать однородные, безконечно малые элементы, которые руководятъ массами. Такимъ образомъ центръ тяжести міропониманія переносится въ стихійную жизнь народныхъ массъ, управляемую несвободной волей, а всеміровой фатальной причиной, или точнѣе: Высшимъ Провидѣніемъ. Историческіе дѣятели только слѣпыя орудія этого Провидѣнія. *)

Краткое обозрѣніе отдѣльныхъ типовъ романа „Война и миръ".

Выше было сказано, что романъ „Война и миръ" представляетъ богатую галлерею типовъ великосвѣтскаго общества того времени, исчерпывающихъ все

*) Поднятый Толстымъ вопросъ о значеніи въ исторіи личности, конечно, не такъ просто разрѣшается, какъ онъ самъ думаетъ. Точно также и взгляды Толстого на свободную волю человѣка справедливо вызываютъ возраженія. Вообще философская часть въ произведеніяхъ его наиболѣе слабая сторона.

содержаніе этого общества, показывающихъ, чѣмъ жило оно, къ чему стремилось, въ чемъ полагало цѣль и смыслъ своей жизни.

Такъ какъ разсмотрѣніе всѣхъ этихъ типовъ въ подробности заняло бы слишкомъ много времени (необходимаго для изученія еще и другихъ писателей новаго времени), то ограничимся обзоромъ только наиболѣе важныхъ изъ нихъ, такъ сказать, центральныхъ фигуръ. Къ такимъ слѣдуетъ отнести князей Болконскихъ отца и сына, Николая Ростова и Пьера Безухова. Изъ женскихъ типовъ: княжну Марію Болконскую и Наташу Ростову.

Князь Николай Андреевичъ Болконскій.

Старикъ Болконскій принадлежитъ къ прежнему, еще Екатерининскому поколѣнію. Онъ выдающійся представитель той смѣси барства съ отъявленнымъ вольнодумствомъ „Вольтеріанства“, которое было въ ходу во времена Екатерины, навѣянное постороннимъ, французскимъ вліяніемъ, и изъ XVIII вѣка зашедшее и въ XIX вѣкъ.

Болконскій — одинъ изъ тѣхъ „сильныхъ міра сего“, для которыхъ, съ устраненіемъ вѣры въ Бога, окончательно устранялись послѣднія препятствія для самодурства, и онъ является въ романѣ представителемъ того сорта людей, которые свой произволъ, свою прихоть ставятъ выше всего. „Прихоть“ является главнѣйшимъ жизненнымъ двигателемъ, импульсомъ и пружиной дѣйствій для князя Николая Андреевича.

...Никому
Отчета не давать, себѣ лишь самому
Служить и угождать...

ыло основнымъ правиломъ его жизни. Его нравтвенныя воззрѣнія сводились къ слѣдующимъ изреініямъ. По его мнѣнію, „есть только два источника юдскихъ пороковъ: праздность и суевѣріе“, и только вѣ добродѣтели — дѣятельность и умъ. Но его режняя государственная дѣятельность была закрыта ля него. Въ царствованіе императора Павла I онъ ылъ сосланъ въ деревню и безвыѣздно жилъ съ своею очерью, княжной Маріей, въ своемъ имѣніи Лысыхъ орахъ. Хотя въ новое царствованіе и былъ ему азрѣшенъ въѣздъ въ столицы, но онъ и изъ приоти и самолюбія продолжалъ жить въ деревнѣ, гооря, что „если кому его нужно, тотъ и изъ Москвы олтораста верстъ доѣдетъ до Лысыхъ горъ, а ему амому никого и ничего не нужно“. Вынужденная раздность давала полный просторъ для его прихоти въ этомъ заключалась для стараго князя вся его ѣятельность, эта любимая его добродѣтель, между ѣмъ какъ другая его добродѣтель — умъ — обраилась въ озлобленное порицаніе всего, что творилось нѣ предѣловъ его Лысыхъ горъ. Во имя прихоти, амѣчаетъ авторъ, къ столу, напр., допускался архиекторъ, хотя по своему положенію незначительный еловѣкъ этотъ никакъ не могъ расчитывать на таую честь. На этомъ забитомъ человѣкѣ князь, не сегда удостоивавшій приглашать за свой столъ важыхъ губернскихъ чиновниковъ, доказывалъ, что люди авны, и внушалъ это своей дочери. Озлобленный

умъ князя привелъ его къ убѣжденію не тольк въ томъ, что всѣ теперешніе дѣятели были маль чишки, что Бонапартъ былъ только ничтожный фран цузишка, имѣвшій успѣхъ только потому, что не был Потемкиныхъ и Суворовыхъ, которые проучили бы его: но онъ былъ убѣжденъ даже, что никакихъ серьезныхъ политическихъ затрудненій въ Европ не было, не было и войны, а была какая-то куколь ная комедія. Хозяйничанье въ Европѣ „ничтожнаг французишки“ представлялось князю личной обидой По поводу этого княжна Марія не безъ остроумі замѣчаетъ въ письмѣ къ своей пріятельницѣ: „ка жется, еще только въ Лысыхъ горахъ на всемъ зем номъ шарѣ не признаютъ Бонапарта великимъ чело вѣкомъ, ни еще менѣе — французскимъ импера торомъ.“

Въ семейной жизни прихоть князя выражаетс въ постоянномъ деспотизмѣ и въ издѣвательств надъ безотвѣтной дочерью — княжной Маріей. Въ сво ей жестокости къ ней князь доходитъ до виртуозно сти. Онъ вымещаетъ на ней каждое свое лично раздраженіе. И княжна Марія является для нег безусловно необходимымъ предметомъ командовані и пиленія, такъ что онъ даже не задавался вопро сомъ, рѣшится-ли онъ когда нибудь разстаться съ до черью и отдать ее мужу. Когда Курагинъ явился сватать княжну за своего сына, князь постарался такъ зло осмѣять свою дочь при гостяхъ за измѣнен ную прическу, что этимъ довелъ и безъ того расте рявшуюся княжну до крайняго смущенія, — и вс это въ тѣхъ видахъ, чтобы заставить ее отказаться отъ мысли о бракѣ.

Когда сынъ его, князь Андрей, проситъ его со-
ласія на свое поступленіе въ дѣйствующую армію,
князь, при своихъ воззрѣніяхъ на политическія дѣла
Европы, какъ только на кукольную комедію, относит-
ся сначала иронически къ намѣренію сына, и, если
потомъ соглашается на службу сына, то только услов-
но и видитъ тутъ лишь одни личныя служебныя
отношенія. „Напиши, говоритъ онъ, какъ тебя Ку-
узовъ приметъ. Коли хорошъ будетъ, служи. Ни-
олая Андреевича Болконскаго сынъ изъ милости
лужить не будетъ.“

Въ началѣ зимы 1811 г. онъ рѣшилъ переѣхать
ъ Москву, расчитывая на „ослабленіе восторга къ цар-
твованію императора Александра I“, въ силу кото-
ораго онъ, дѣйствительно, и сдѣлался „центромъ
осковской оппозиціи правительству.“ Такимъ обра-
омъ, на закатѣ дней, предъ княземъ Ник. Андр-чемъ
пять открылось, было, широкое поле дѣятельности,
ли — по крайней мѣрѣ — для того, что онъ при-
ималъ за дѣятельность — возможность изощрять
вой злобно критикующій умъ по поводу политиче-
кихъ событій. Но это обстоятельство не могло попре-
ятствовать ему по прежнему тиранить ни въ чемъ
еповинную свою дочь. Семейныя исторіи съ язви-
ельными и всегда крайне несправедливыми выход-
ами противъ дочери продолжались и въ это время.
Іежду тѣмъ насталъ 1812 годъ, застигла стараго
нязя война. Долго онъ не хотѣлъ признавать ея
астоящаго смысла, утверждалъ, что непріятель даль-
ше Польши проникнуть не можетъ. Только вѣсть
взятіи Смоленска сломила упрямый умъ старика.
Онъ рѣшился остаться въ своей деревнѣ и защищать-

ся при помощи своихъ ополченцевъ. Но нравствен ное потрясеніе, какое онъ долженъ былъ перенести когда увидѣлъ ложность своихъ воззрѣній, которы: онъ привыкъ считать непогрѣшимыми, не могл пройти даромъ: съ нимъ случился ударъ. „Да, ска залъ онъ явственно и тихо, лежа на смертномъ одрѣ Погибла Россія! Погибла!“ Это были послѣднія, ясн произнесенныя имъ слова, — чрезъ нѣсколько часовъ его не стало. Въ этомъ „погубили“ сказался вес старый гнѣвъ князя на тѣхъ, кто былъ на виду, ког слушались, вмѣсто того, чтобы обратиться **къ нему его слушаться.**

Князь Андрей Болконскій.

Въ характерѣ Андрея Болконскаго много чертъ напоминающихъ стараго князя. Онъ также обладаетъ сильнымъ умомъ, твердой волей, „также мало спо собенъ измѣнить свое мнѣніе, какъ и старый князь.. больше всего въ мірѣ онъ боялся показаться смѣш нымъ“, также былъ исполненъ сознанія своего ари стократизма, своего родовитаго превосходства надъ обыкновенными людьми. Но тогда какъ всѣ симпа тіи стараго князя тяготѣли къ прежнимъ Екатери нинскимъ временамъ, идеаломъ его были Суворовъ и Потемкинъ, князь Андрей является представите лемъ уже новаго поколѣнія: его кумиромъ былъ На полеонъ. Это различіе во взглядахъ и симпатіяхъ являлось иногда причиной разногласій между старымъ княземъ и Андреемъ, выражавшихся преимуществен но въ ироническомъ отношеніи старика къ планамъ и стремленіямъ своего сына.

При всемъ своемъ уваженіи къ генію Наполеона, Андрей все же рѣшается принять участіе въ войнѣ противъ него. Онъ оправдывается въ данномъ случаѣ тѣмъ соображеніемъ, что „если бы всѣ воевали по своимъ убѣжденіямъ, то войны и не было бы, но этого никогда не будетъ“. Въ сущности же онъ находилъ въ войнѣ выходъ изъ мучившаго его стремленія отдаться какому нибудь такому дѣлу, которое овладѣло бы имъ всецѣло. Во время **мира** мы видимъ князя Андрея вѣчно скучающимъ, не ладящимъ съ собою, жаждующимъ перемѣнъ, словно не способнымъ отдаться радостямъ жизни. Презрительно холодная гримаса не сходитъ съ его лица. Въ семейной жизни онъ не могъ забыться отъ мучившаго его сознанія пустоты и безцѣльности жизни своей. Жена князя Андрея — Лиза Болконская, „маленькая княгиня“, какъ называетъ ее авторъ, была не только маленькой по своему росту, но стояла гораздо ниже своего мужа по своему развитію и по своимъ требованіямъ отъ жизни. Она вполнѣ уходила въ сплетни и пересуды высшаго общества и только среди этого общества чувствовала себя вполнѣ въ своей сферѣ. Отправляясь на войну, князь Андрей бѣжитъ, между прочимъ, и отъ своей жены. Это особенно ясно изъ словъ его Пьеру Безухову: „женись старикомъ... а то пропадетъ все, что есть въ тебѣ хорошаго и высокаго... Ежели ты ждешь отъ себя чего либо впереди, то на каждомъ шагу будешь чувствовать, что для тебя все кончено, все закрыто, кромѣ гостиной.“

Во время **войны** личность князя Андрея выступаетъ въ самомъ привлекательномъ свѣтѣ. Прежня-

го гордаго, напыщеннаго и холоднаго придворнаго въ немъ нѣтъ и слѣда. Онъ сражается съ отвагой даже съ какимъ-то отчаяніемъ. Подъ болѣе чѣмъ скромной, неуклюжей наружностью капитана Тушина онъ умѣетъ разглядѣть настоящаго героя и горячо отстаиваетъ его отъ незаслуженнаго выговора. Но душевное обновленіе, возрожденіе князя Андрея начинается въ то время, когда онъ лежалъ раненый на аустерлицкомъ полѣ. Его прежній идеалъ — Наполеонъ, который проѣзжалъ въ то время по полю, показался ему „столь маленькимъ ничтожнымъ, съ его безучастнымъ, ограниченнымъ и счастливымъ отъ несчастья другихъ взглядомъ, въ сравненіи съ тѣмъ, что происходило теперь между его душой и этимъ высокимъ безконечнымъ небомъ, съ бѣгущими по нему облаками...“, на которыя смотрѣлъ кн. Андрей. Перенесенный во французскій госпиталь, онъ сильно колеблется въ своемъ прежнемъ невѣріи. „Хорошо было бы, если бы было все такъ ясно и просто, какъ оно кажется кн. Маріи,“ подумалъ онъ при видѣ образка, который сестра уговорила его надѣть на грудь. Такъ умомъ доходитъ онъ до вѣры, но не знаетъ, какъ найти въ ней удовлетвореніе. Свою жизнь личную кн. Андрей мечтаетъ устроить иначе: его манитъ теперь тихая жизнь и спокойное счастіе въ его родномъ помѣстьѣ. Выздоровѣвъ, онъ рѣшилъ никогда не служить больше въ военной службѣ. Онъ, дѣйствительно, возвращается въ свое помѣстье „Лысые горы“, за нѣсколько минутъ до смерти своей жены, которая умираетъ, родивъ сына, и стремится быть полезнымъ на другомъ поприщѣ, устраивая своихъ крестьянъ: одно имѣніе его въ 300 душъ

ыло перечислено въ вольные хлѣбопашцы, (это былъ динъ изъ первыхъ примѣровъ въ Россіи), въ дру- омъ барщина замѣнена оброкомъ..., священникъ за каловanье обучалъ дѣтей крестьянскихъ и дворовыхъ рамотѣ.“ Между тѣмъ безъ какой нибудь опредѣ- енной дѣятельности онъ быть не могъ. „Цѣлый ядъ разумныхъ логическихъ доводовъ, что ему еобходимо ѣхать въ Петербургъ и служить, былъ сегда къ его услугамъ.“ Онъ ѣдетъ въ Петербургъ поступаетъ на службу къ Сперанскому — членомъ омиссіи по составленію воинскаго устава. Ему такъ отѣлось найти въ другомъ живой идеалъ того со- ершенства, къ которому онъ стремился, что онъ коро повѣрилъ, что въ Сперанскомъ нашелъ этотъ деалъ. Такимъ образомъ, вмѣсто прежняго иде- ла Наполеона, онъ нашелъ новый — Сперанскаго. Іо вскорѣ онъ снова разочаровывается и въ своей лужбѣ и въ своемъ новомъ идеалѣ. Онъ видитъ, акъ въ засѣданіяхъ комиссіи „старательно и про- олжительно обсуждалось все, что касалось формы... какъ старательно и кратко обходилось все, что асалось сущности дѣла. Все это не могло не про- иворѣчить тому идеальному понятію о пользѣ, ко- орое начало слагаться у кн. Андрея. Увидавъ Спе- анскаго въ его частной жизни, отдыхавшаго и шу- ившаго въ пріятельской бесѣдѣ за обѣдомъ со сво- ми друзьями, онъ разочаровывается и въ немъ совершенно оставляетъ эту службу.

Въ это время завязывается его романъ съ На- ашей, и она становится его невѣстой. Но деспотизмъ тараго князя является препятствіемъ къ браку: ста- икъ потребовалъ отложить свадьбу на годъ. Въ это

время роковая встрѣча Наташи съ Анатолемъ Кура гинымъ разрушаетъ всѣ мечты Андрея. Онъ н(можетъ простить Наташѣ ея увлеченія Курагинымъ да и сама Наташа не можетъ уже считать себя не вѣстой Андрея и отказывается отъ его руки. Андрей, вопреки прежнему своему рѣшенію, снова поступаетъ въ армію къ Кутузову, и его личное гор(тонетъ въ общемъ народномъ горѣ, какъ капл въ морѣ. Новая рана достается ему на Бородинскомъ полѣ. Его перенесли въ госпиталь, и онъ по роковой случайности, очутился рядомъ съ своим соперникомъ, отнявшимъ у него Наташу, Анатолем Курагинымъ. Близость смерти, несчастіе ближняг(озорили его умъ новымъ свѣтомъ. Тутъ только он понялъ смыслъ жизни: „состраданіе, любовь къ братьямъ, къ любящимъ, любовь къ ненавидящимъ насъ любовь ко врагамъ, — да, та любовь, которую проповѣдывалъ Богъ на землѣ, которой меня учил кн. Марія и которой я не понималъ, — вотъ отчег(мнѣ было жаль жизни, вотъ оно то, что еще оставалось мнѣ, ежели я былъ бы живъ! Но теперь уже поздно. Я знаю это!“ Нравственное возраженіе кн. Андрея вполнѣ совершилось, но совершилось уже у дверей гроба. Онъ умеръ на рукахъ Наташи и кн. Маріи.

Николай Ростовъ.

Типъ Николая Ростова очень несложный. Крѣпкій тѣломъ, здоровый духомъ, онъ всегда веселъ доволенъ, потому что не знаетъ ни сомнѣній, ни разочарованій. Это типъ тѣхъ счастливцевъ, которые

не требуя отъ жизни невозможнаго, сразу попадаютъ въ свою колею и остаются въ ней натурами цѣльными, нравственно безупречными. Николай Ростовъ нашелъ такое свое назначеніе въ войнѣ того времени. Онъ какъ бы рожденъ для военной жизни. Профессія военнаго ему казалась первой въ мірѣ. Если и приходилось ему видѣть неприглядныя стороны военной жизни, въ родѣ сценъ при осмотрѣ госпиталя, то подобныя наблюденія были для него рѣдки, и онъ, вѣрный себѣ, всегда бѣжалъ отъ нихъ. И въ общемъ итогѣ военная служба доставила Николаю Ростову одни только пріятныя воспоминанія. По окончаніи ея, онъ съумѣлъ найти счастье въ бракѣ съ кн. Маріей Болконской, поправивъ чрезъ него свои финансовыя обстоятельства; получивши жену, обладавшую громаднымъ душевнымъ богатствомъ, онъ весь уходитъ въ семью, вполнѣ поглощается ея интересами. На душѣ его только одинъ тяжелый грѣхъ — испорченное счастье воспитанницы его матери — Сони, которой онъ обѣщалъ свою руку и не сдержалъ даннаго слова.

Пьеръ Безуховъ.

Личность Пьера Безухова, является, такъ сказать, центральною въ романѣ. Пьеръ воплощаетъ въ себѣ сильныя и слабыя стороны русскаго человѣка. Онъ — мягко сердечный, человѣкъ открытой души до наивности, отзывчивый на все доброе, увлекающійся, впечатлительный, но слабохарактерный и непостоянный. Онъ полонъ энергіи, но неустойчивъ въ своихъ влеченіяхъ, пытливъ и любознателенъ до

комизма и ни въ чемъ не обнаруживаетъ иниціативы онъ разсѣянъ до того, что способенъ забыть о своемъ честномъ словѣ, и рѣшителенъ до геройской отваги.

Съ 10-ти лѣтняго возраста онъ былъ отправленъ за границу, гдѣ и воспитывался до 20 лѣтъ. По возвращеніи въ Петербургъ, онъ очутился въ положеніи человѣка, незнавшаго куда себя дѣвать. Въ салонѣ Шереръ его медвѣжья неуклюжесть и неполированный демократизмъ высказались во всей своей дикости. Онъ не скрывалъ своего либерализма, вывезеннаго изъ за границы, мечталъ о республикѣ въ Россіи, о побѣдѣ надъ Наполеономъ, о перерожденіи порочнаго рода человѣческаго и тому подобныхъ несбыточныхъ фантазіяхъ, а въ дѣйствительности жизнь его проходила въ попойкахъ, дикихъ забавахъ, въ какомъ то опьяненіи пустотой и бездѣльемъ. Чопорный высшій кругъ считалъ прямо неприличнымъ присутствіе среди него такого члена общества. Но это не помѣшало одному изъ главныхъ представителей этого круга — кн. Василію Курагину почти насильно повѣнчать Пьера съ своей дочерью, конечно, только потому, что Пьеръ получилъ громадное наслѣдство отъ своего отца. Бракъ этотъ не могъ наполнить жизни Пьеру. Жена его Эленъ была красавица, но пустая и безсердечная женщина, не любившая никого и ничего, кромѣ себя. И Пьеръ отрезвился. При всей своей покладистости, онъ энергически покончилъ счеты съ женою, давъ ей возможность жить отъ него отдѣльно. Теперь онъ снова оказался свободнымъ человѣкомъ, незнавшимъ, что съ собой дѣлать, на что обратить непочатый запасъ кипучей дѣятельности, какъ разрѣшить сомнѣнія,

появившіяся въ его душѣ подъ дѣйствіемъ семейной бури. Случайная встрѣча съ масономъ втянула его въ масонство. Онъ рѣшилъ служить дѣлу религіи и добродѣтели. Темное небо какъ будто прояснилось на время. Волны душевныя улеглись, въ сердцѣ ощущалась тишина. Теперь какъ будто не оставалось и тѣни сомнѣнія. Прошлое съ его ошибками было позади; будущее представлялось Пьеру счастливымъ и полнымъ добродѣтели. Призваніе свое онъ видѣлъ въ служеніи человѣчеству.

Первой заботой Пьера, по пріѣздѣ его въ кіевское имѣніе, было желаніе, какъ можно скорѣе освободить крестьянъ, улучшить ихъ участь, уничтожить тѣлесныя наказанія, облегчить барщину, настроить школъ и больницъ. Управляющіе только дивились всѣмъ этимъ затѣямъ празднаго барина и жестоко надували этого чудака наружнымъ лишь исполненіемъ его приказаній. Пьеръ радовался видимому довольству крестьянъ, благодарившихъ барина по приказу управляющихъ, — онъ чувствовалъ миръ въ своей душѣ.

Но вскорѣ все оказалось миражемъ. Пьеръ мало по малу присмотрѣлся къ масонству, которое въ дѣлахъ добродѣтели и нравственнаго самосовершенствованія оставляло желать многаго. Отъ него не ускользнуло, что и тутъ, подъ маской благородства, скрывалась суета мірская, гора честолюбія, взаимныя интриги. Масоны преисправно занимались балами, обѣдами и т. п. Пьеръ не вынесъ этого разлада и снова отдался всевозможнымъ увлеченіямъ. Въ это время посѣтилъ онъ Наташу Ростову — своего давняго друга, мучившуюся сомнѣніями и раскаяніемъ

послѣ ея исторіи съ Анатолемъ Курагинымъ. Скоро онъ почувствовалъ небезопасными для себя посѣщенія Ростовыхъ: Наташа все сильнѣе и сильнѣе привлекала его. Отъ посѣщенія дома Ростовыхъ удерживало еще другое обстоятельство. Увлекшись мистическими вычисленіями *), онъ вообразилъ себя призваннымъ положить конецъ существованію Наполеона-антихриста. Онъ началъ съ величайшимъ интересомъ слѣдить за событіями дня. Всеобщее одушевленіе, готовность жертвовать имуществомъ и жизнью— охватили тогда всѣхъ русскихъ людей въ отпоръ французамъ. Пьеръ побывалъ въ русскомъ лагерѣ, и все, что тамъ онъ увидалъ, произвело на него глубокое впечатлѣніе. И еще неотразимѣе онъ подчинился своей маніи, попавъ въ центральный редутъ въ страшный день Бородинскаго сраженія.

По прибытіи французовъ въ Москву, начались въ ней пожары. Пьеръ, во время одного такого пожара, спасъ ребенка, но возбудилъ подозрѣніе и былъ забранъ въ тюрьму. Оттуда онъ вмѣстѣ съ другими плѣнными сопровождалъ французскую армію. Подвергаясь лишеніямъ всякаго рода, перенося холодъ и голодъ, онъ не только остается живъ, но едва ощущаетъ подобныя тягости, отъ которыхъ умираютъ его товарищи по несчастью. И это такъ объясняется авторомъ. Пьеръ испыталъ тамъ впервые успокоеніе души, впервые ощутилъ довольство собою, какого искалъ давно. При видѣ сожженныхъ и раз-

---

*) Подъ вліяніемъ масонскихъ ученій, нѣкоторые считали Наполеона антихристомъ, находя въ его имени звѣриное число 666, о которомъ говорится въ Апокалипсисѣ. Пьеръ, съ помощью нѣкоторой уловки, примѣнилъ это звѣриное имя къ себѣ.

оренныхъ селеній, при видѣ страданій людей кругомъ, го личныя тревоги исчезали совсѣмъ. Вѣра его ъ вычисленія, намѣреніе убить Наполеона, прежняя енависть къ безсердечной женѣ — все это казалось акимъ-то давнишнимъ сновидѣніемъ. Лживые взгляды на жизнь и счастье, какіе высказывалъ онъ раньше, когда жилъ въ роскоши, замѣнились болѣе вѣрными понятіями о цѣляхъ и предѣлахъ человѣческаго уществованія.

Наши гусары отбили плѣнныхъ у французскаго онвоя, сопровождавшаго Пьера и его товарищей. огда Москва начала оправляться отъ понесенныхъ бѣдствій, Пьеръ вернулся туда и нашелъ тамъ н. Марію съ Наташей Ростовой. Онъ былъ уже довымъ. Жена его умерла. Жизненный тяжелый пытъ измѣнилъ Пьера. Онъ пересталъ ставить себѣ опросы о цѣли и смыслѣ жизни, которые мучили го раньше: онъ полонъ теперь **вѣры въ жизнь,** ъ таинственныя силы, которыя руководятъ имъ въ которыхъ проявляется Божественный промыслъ, аправляющій человѣка ко благу и истинѣ. Бодрость увѣренность въ себѣ смѣнили прежнее состояніе ерѣшительности и сомнѣнія. „Пока есть жизнь, сть и счастіе“, сказалъ онъ княжнѣ Маріи при перой встрѣчѣ въ Москвѣ. Даже наружность Пьера тала не та. Остались только благородныя черты го характера несглаженными. Онъ какъ будто вышелъ изъ нравственной бани, по словамъ Наташи. Наташа вскорѣ стала женою Пьера. Въ эпилогѣ омана описывается ихъ счастливая семейная жизнь. Іьеръ, прежде искавшій спасенія отъ хандры и отвращенія къ жизни въ кутежахъ и опьяняющихъ

развлеченіяхъ, въ европейскихъ доктринахъ, въ масонствѣ, теперь — послѣ несчастій, понесенныхъ имъ, понялъ истинное значеніе трудовой жизни и научился цѣнить ея радости въ любящей и любимой семьѣ.

Женскіе типы въ романѣ „Война и миръ".

Наташа Ростова.

Образъ Наташи Ростовой обрисованъ авторомъ съ особенною любовью и старательностью. Авторъ прослѣдилъ всю ея жизнь, начиная съ ранняго юношескаго возраста до той поры, когда ея характеръ окончательно установился и сформировался — до времени ея замужней жизни. Главной основной чертой ея характера была полная ея искренность во всякомъ чувствѣ и дѣйствіи, полная непосредственность. Она не можетъ притворяться и лукавить ни предъ собой, ни предъ другими, не выноситъ она и тѣхъ оковъ притворства, какія налагаютъ на человѣка приличія свѣта. Поэтому она постоянно нарушаетъ принятыя условія приличій и свѣтскаго этикета, разъ они находятся въ разногласіи съ тѣмъ, что она считаетъ въ данную минуту важнымъ и нужнымъ. Она вся — самородокъ и имъ остается почти на всю свою жизнь. Она вся — избытокъ жизненной силы, которая бьетъ въ ней ключомъ, ища выхода и примѣненія къ дѣлу.

вторъ выводитъ въ своемъ романѣ Наташу еще дѣвочкой-подросткомъ, необычайно живой, впечалительной и подвижной. Черноглазая, съ большимъ томъ, некрасивая, но живая и граціозная дѣвочка, акъ описываетъ онъ ее. „Казакъ“ — кратко харакеризуетъ эту дѣвочку строгая Марья Дмитріевна — тотъ всеобщій менторъ въ романѣ Толстого. Ясно, то такая живая натура дѣвочки-казака не особено поддавалась внушеніямъ гувернантки француженки, воспитывавшей ее такъ, какъ вообще велось воспитаніе барышень того времени, старавшейся внушить й всѣ правила свѣтскихъ приличій и манеръ. Дѣочка въ силу живости своего темперамента часто амымъ непозволительнымъ образомъ нарушала эти равила, чѣмъ приводила въ ужасъ и своихъ родыхъ, особенно мать, и воспитательницу. Но все же аташа — натура богатая и даровитая. Своимъ пѣіемъ она приводитъ въ восторгъ музыкантовъ, ь танцахъ обращаетъ на себя всеобщее вниманіе ɔаціей. Все, за что берется, умѣетъ сдѣлать лучше, ѣмъ другіе. Всѣмъ этимъ съ избыткомъ покрываютя недочеты въ умственномъ развитіи. Впрочемъ, ь умственныхъ способностяхъ отказать ей нельзя, ɔ умъ ея проявляется въ своеобразной формѣ, въ осоɔй чуткости, проницательности, въ томъ, что назыаютъ „непосредственностью натуры“. Такой непоɔедственной натурой Наташа остается, и ставши зрослой барышней. Она терпѣть не можетъ Долоɔва, въ которомъ инстинктивно чувствуетъ ложь рисовку, и объясняетъ это тѣмъ, что у Долохова все назначено, а я этого не люблю“, увлекается таимъ же самородкомъ, какъ Денисовъ.

Ея непосредственность, свѣжесть ея натуры выдѣляютъ ее изъ другихъ дамъ и дѣвицъ на придворномъ балу и невольно привлекаютъ къ ней всеобщее вниманіе. Здѣсь-то и происходитъ ея роковая встрѣча съ княземъ Андреемъ, имѣвшая такое вліяніе на ея послѣдующую жизнь. Князь Андрей становится ея женихомъ, но въ силу каприза стараго князя свадьба откладывается на годъ, и женихъ долженъ былъ на это время уѣхать невольно отъ своей счастливой невѣсты. Горе ея при разлукѣ было велико. „Не уѣзжайте!" только проговорила она, но въ этомъ короткомъ восклицаніи выразилась вся глубина ея горя.

Все же потребность жить, какъ всегда жилось, беззаботно, весело, продолжаетъ по временамъ неожиданными вспышками сказываться въ Наташѣ. Она приходитъ въ восторженное состояніе, забывается во время охоты, принимается со всѣмъ увлеченіемъ плясать русскую у добряка — дядюшки. Только потомъ она сказала брату: я знаю, что никогда уже не буду такъ счастлива, спокойна, какъ теперь!...

И вскорѣ съ ней случается событіе, перевернувшее совершенно по иному весь строй ея жизни. Она, по пріѣздѣ въ Москву, встрѣчается съ красивымъ, но пустымъ и порочнымъ фатомъ, княземъ Анатолемъ Курагинымъ, и внезапно, неожиданно для самой себя, до самозабвенія увлекается имъ. Это увлеченіе чуть было не привело ея къ гибели, и только счастливая случайность спасаетъ ее.*) Скоро Наташа совершен-

---

*) Пьеръ передаетъ Наташѣ, когда она уже готовилась на побѣгъ съ Анатолемъ, что онъ женатъ и разошелся съ женой. Наташа поражена этимъ извѣстіемъ, пыталась даже отравиться.

ю разочаровывается въ предметѣ своего увлеченія, ю все же эта исторія обходится ей въ слишкомъ орогую цѣну. Она чувствуетъ, что „вся прежняя истота ея любви къ князю Андрею уже безвозврат-ю погибла“, и замираетъ отъ горя и стыда. Только ъ религіи стремится найти успокоеніе ея измучен-ая душа. Но тогда на помощь ей является Пьеръ, оторый своей чуткой и безхитростной душой отзы-ается на ея горе и помогаетъ утишить, разсѣять го. Подъ вліяніемъ разговоровъ съ нимъ, Наташа увствуетъ въ себѣ признаки возвращенія прежняго ормальнаго состоянія.

Въ это время вполнѣ разыгралась драма оте-ественной войны. Ростовымъ приходилось уѣзжать зъ Москвы. Во время сборовъ Наташа наталкивает-я на ужасающую сцену: цѣлая партія раненыхъ ыла оставлена на произволъ судьбы, и ростовскіе юди не могли помочь имъ, потому что заняты были кладкой вещей своихъ господъ. „Это гадко, мерзко“, акричала Наташа, отдаваясь со всей непосредствен-остью первому впечатлѣнію и сразу же рѣшившись, о что бы то ни стало, помочь страдальцамъ. Послѣ акой вдругъ, по первому впечатлѣнію, вспыхнувшей аботы о раненыхъ, Наташѣ приходится неожиданно чутиться у страдальческаго изголовья князя Андрея, олучившаго рану въ бородинскомъ сраженіи и те-ерь лежавшаго среди этихъ раненыхъ. Прежняя юбовь, очищенная пережитыми страданіями, съ новой илой вспыхиваетъ въ груди Наташи. Но князь ндрей умираетъ на ея рукахъ, и Наташа уходитъ ся въ свое горе, повидимому безпробудное горе... Іо вотъ приходитъ вѣсть о другомъ горѣ, поразив-

шемъ прежде всего ея старую мать, о смерти Пети. Наташа забыла себя и свое личное горе. Самоотверженно ухаживая за матерью, она постепенно забывала о своей потерѣ, и душевная ея рана стала заживать, зарастать. Такимъ образомъ любовь къ матери показала Наташѣ, что сущность ея жизни — любовь — еще жива въ ней. Прежде она думала, что жизнь ея кончена... Теперь же „проснулась любовь, и проснулась жизнь“. Подъ конецъ мы видимъ Наташу женой Пьера. Теперь она вся уходитъ въ свою семью и постепенно утрачиваетъ тѣ черты, которыя придавали ея образу такую прелесть. „Въ лицѣ ея, говоритъ авторъ, не было, какъ прежде, этого непрестанно горѣвшаго огня оживленія, составлявшаго ея прелесть“. „Она была немножко ревнива“, продолжаетъ разочаровывать въ ней авторъ. Пьеръ не смѣлъ уѣзжать на долгіе сроки, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда ему нужно было поѣхать по дѣламъ, въ число которыхъ она включала и его занятія науками, хотя въ наукахъ она ничего не понимала, но имъ она приписывала большую важность. Къ большему еще разочарованію въ Наташѣ служитъ то, что она къ другимъ своимъ недостаткамъ, по мнѣнію большинства, къ неряшливости, опущенности, присоединяла еще скупость. Это послѣднее качество, совершенно не вытекавшее изъ тѣхъ задатковъ, какіе она имѣла въ юности, объясняется, впрочемъ, разстроенными дѣлами Пьера, въ особенности благодаря долгамъ его первой жены.

Такія хозяйственныя способности въ женѣ, конечно, имѣютъ свою цѣнность, но еще болѣе цѣнна, безъ сомнѣнія, способность принимать участіе въ об-

щественныхъ интересахъ мужа, помогать въ воспитываніи въ дѣтяхъ будущихъ общественныхъ дѣятелей; но въ этомъ Наташа была уже болѣе, чѣмъ слаба. И можно-ли требовать умѣнья воспитывать дѣтей отъ женщины, которая сама не получила ничего похожаго на разумное воспитаніе? Въ общемъ, какъ типъ общественный, Наташа принадлежитъ къ категоріи женщинъ, такъ называемаго „физіологическаго“ типа. Она исключительно „женщина-мать“, въ общественной жизни участія не принимаетъ и материнство считаетъ единственнымъ и высшимъ назначеніемъ женщины.

Княжна Марья Болконская.

Однимъ изъ симпатичныхъ женскихъ типовъ романа „Война и миръ“ является кн. Марья Болконская. Некрасивая, воспитанная по традиціямъ стараго времени, когда въ основу воспитанія полагался исключительно страхъ и безусловная покорность, забитая и запуганная отцомъ, служившая всегдашнею мишенью для его издѣвательствъ, но въ тоже время идеалистка-мечтательница, увлекающаяся мечтами оставить ту жизнь, которую она вела, и стать странницей богомолкой, видѣвшая въ странникахъ — Божьихъ людяхъ—идеалъ религіозной жизни, она невольно привлекаетъ къ себѣ вниманіе и симпатіи читателя. Подобно Лизѣ Тургенева, она вся проникнута поэзіей христіанскаго самоотверженія и высокой нравственной чистоты. Въ этомъ ея высшая духовная красота. Жизнь ей представляется исполненіемъ долга, возложеннаго на нее самимъ Богомъ. Какъ бы

тяжелъ ни былъ этотъ долгъ, она считаетъ себя обязанной выполнить его покорно и безропотно. И прежде всего она любовь свою, все свое сердце, переноситъ на близкихъ ей людей, на окружающихъ отца, брата, племянника, и всю жизнь отдаетъ имъ. Покорность и терпѣніе, эти отличительныя черты ея характера, являются результатомъ всей обстановки ея жизни. Молодость ея прошла тускло и безрадостно. Рано лишившись матери, она осталась на попеченіи отца, который хотя нѣжно въ душѣ своей любилъ дочь, но какъ будто стыдился обнаружить свое чувство къ ней, потому обращался съ ней сурово, даже деспотически. Вѣчно озлобленный, занятый пустяками, онъ требовалъ, чтобы дочь постоянно была при дѣлѣ: столько-то часовъ употребляла бы на геометрію, на музыку, на чтеніе, при чемъ самъ руководилъ ея занятіями. Но, не слыша отъ отца ласковаго слова, не чувствуя между собой и имъ никакой духовной связи, кн. Марья не могла успѣшно вести свои занятія, чѣмъ всегда выводила отца изъ себя. Княжна искала, было, живого дѣла для себя въ воспитаніи племянника — сына кн. Андрея, но приняться за это дѣло, какъ слѣдуетъ, она не умѣла, и отецъ взялъ для своего сына гувернера. Княжнѣ осталось только коротать время въ безплодной перепискѣ съ подругами и бесѣдахъ съ Божьими людьми. Это единственно, въ чемъ не повиновалась кн. Марья своему отцу: онъ велитъ гонять этихъ странниковъ, а княжна принимаетъ ихъ. Идеализируя Божьихъ людей, она и сама рѣшила со временемъ стать въ разрядъ ихъ. Въ грустныя минуты „въ воображеніи своемъ она уже видѣла себя съ Ѳедосьюшкой, въ грубомъ

рубищѣ, шагающей съ палочкой и котомочкой по пыльной дорогѣ, направляя свое странствіе, безъ зависти, безъ любви человѣческой, безъ желаній, отъ угодниковъ къ угодникамъ, и въ концѣ концовъ туда, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханія, а вѣчная радость и блаженство". Она даже приготовила для себя костюмъ, тождественный съ одѣяніемъ странницъ, и по временамъ любовалась имъ, воображая, какъ она оставитъ свой домъ, родныхъ и пойдетъ путешествовать наряду съ другими странниками. Но потомъ, увидя отца и племянника, она ослабѣвала въ своемъ намѣреніи и чувствовала, что она, грѣшница, любитъ отца и племянника больше, чѣмъ Бога. Она не понимала, что если дѣйствительно такъ любила она отца, то въ этомъ-то и заключалась настоящая, безкорыстная любовь, не смотря ни на какія муки, достававшіяся ей отъ отца.

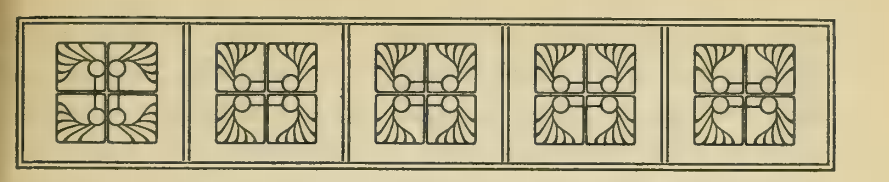
Время шло. Отецъ къ старости становился еще брюзгливѣе, еще невыносимѣе. Хотя онъ и видѣлъ въ дочери плоды своей уродливой системы воспитанія, но поправить дѣло было уже поздно, что еще больше раздражало его. Только умирая, онъ въ первый разъ въ жизни сказалъ дочери ласковое слово...

По смерти отца, кн. Марья становится невѣстой Николая Ростова. Ей невольно припоминается, что если бы не растроился бракъ ея брата Андрея съ Наташей Ростовой, то не возможенъ былъ бы и бракъ ея съ Николаемъ. Въ этомъ она увидѣла руку Провидѣнія и безъ особыхъ колебаній вышла замужъ за Николая. Но полученное ею воспитаніе, извратившее симпатичныя природныя ея дарованія, продолжало сказываться и въ семейной жизни. Насколь-

ко ни были не сложны жизненныя требованія Николая Ростова, она все же часто оказывалась несостоятельной и предъ ними. „Она чувствовала покорную, нѣжную любовь къ этому человѣку... и, кромѣ этого чувства, поглощавшаго ее всю и мѣшавшаго ей вникать въ подробности плановъ мужа, въ головѣ ея мелькали мысли, не имѣвшія ничего общаго съ тѣмъ, что онъ говорилъ“. Она въ душѣ своей продолжала стремиться въ высь, въ сферу религіозныхъ идеаловъ, и не могла ни удовлетвориться тѣмъ, что давала ей жизнь, ни приспособиться практически къ требованіямъ этой жизни. Всякія неровности и шероховатости жизненныхъ отношеній, темныя явленія дѣйствительности отзывались острой болью на ея душѣ съ приподнятой чувствительностью. Потому-то на лицѣ ея часто „выступало строгое выраженіе затаеннаго высокаго страданія души“, которое такъ пугало ея мужа. Княжна Марья, подобно Лизѣ Калитиной, принадлежала къ числу тѣхъ натуръ, съ поднятою душевною чувствительностью, о которыхъ прекрасно выразился Лермонтовъ въ слѣдующихъ словахъ:

Творецъ изъ лучшаго эѳира
Соткалъ живыя струны ихъ,
Они не созданы для міра,
И миръ былъ созданъ не для нихъ.

Такъ, не смотря на всѣ симпатичные хорошіе задатки, не смотря на самыя лучшія намѣренія, княжна Марья, благодаря уродливому своему воспитанію, осталась для практической жизни безпомощнымъ существомъ, неспособнымъ къ разумной дѣятельной счастливой жизни.

„АННА КАРЕНИНА“.

Краткое содержаніе романа.

Героиня романа — Анна Каренина — ѣдетъ изъ Петербурга въ Москву къ брату своему Стивѣ (Степану) Облонскому, чтобы примирить его съ женой— Дарьей Александровной, готовившейся уже уѣхать отъ своего мужа, по случаю неурядицъ семейныхъ. Но этотъ пріѣздъ для Анны Карениной въ Москву оказался роковымъ: здѣсь, на одномъ балу, она знакомится съ блестящимъ петербургскимъ офицеромъ Вронскимъ Алексѣемъ, который влюбляется въ нее. До своей встрѣчи съ Карениной, Вронскій ухаживалъ за княжной Китти (Екатериной) Щербацкой, которой хотѣлъ уже сдѣлать предложеніе, но неожиданное знакомство съ Анной перевернуло всѣ его планы. Китти, въ свою очередь полюбившая Вронскаго и ради этой любви отказавшая любящему ее Левину, отъ горя и стыда заболѣла и, по совѣту доктора, съ матерью уѣзжаетъ за границу. Между тѣмъ Анна, по возвращеніи въ Петербургъ, куда прибываетъ и Врон-

скій, окончательно сходится съ нимъ. Связь ихъ становится извѣстной свѣту; Анна открывается во всемъ мужу, а черезъ нѣкоторое время у нея рождается отъ Вронскаго дочь. Послѣ того Вронскій и Анна уѣзжаютъ за границу, гдѣ и живутъ нѣкоторое время, а потомъ возвращаются въ Россію и поселяются въ имѣніи Вронскаго. Напрасны были всѣ попытки Вронскаго добиться у Каренина — мужа Анны — развода съ нею. Въ то же время перемѣна произошла и въ настроеніи Анны. Еще за границей она начала сомнѣваться въ прочности любви Вронскаго, а теперь эти сомнѣнія усиливаются и переходятъ въ убѣжденіе, что Вронскій уже не имѣетъ къ ней настоящей прежней горячей любви. Разочарованная во всемъ и желая въ чемъ нибудь проявить месть къ Вронскому, Анна бросается подъ поѣздъ и трагически умираетъ. Потрясенный до глубины души, Вронскій, чтобы какимъ нибудь образомъ разсѣять свое горе, отправляется на турецкую войну.

Левинъ, послѣ отказа ему Китти Щербацкой, уѣзжаетъ въ свое имѣніе, гдѣ и сосредоточивается на веденіи сельскаго хозяйства. Онъ самъ пашетъ, коситъ, наравнѣ съ крестьянами, стараясь при помощи физическаго труда заглушить до нѣкоторой степени свою неудовлетворенную любовь. Съ теченіемъ времени жгучее это чувство ослабѣло, а занятіе трудомъ земледѣльца обратилось для Левина въ привычку, даже увлеченіе. Онъ не только практически, но и теоретически изучаетъ экономическіе вопросы. Отдавшись труду и отбросивъ разныя умствованія о задачахъ и цѣляхъ жизни человѣка, Левинъ успокоился въ душѣ, потому что зналъ, что

и когда ему дѣлать. И жизнь его потекла безъ колебаній. Особенно увѣренностью въ своей жизни онъ проникся послѣ того, какъ ему случилось подслушать замѣчаніе одного крестьянина о цѣли и задачѣ человѣка, что **нужно жить для души и помнить Бога.** Левинъ послѣ того нашелъ настоящій свой идеалъ.

Между тѣмъ, въ сосѣднее съ владѣніями Левина имѣніе на лѣто пріѣзжаетъ жена Стивы Облонскаго— Дарья Александровна, родная сестра Китти. Къ концу лѣта сюда же прибываетъ и Китти, поправившаяся за границей. Левинъ узнаетъ объ этомъ, но онъ чувствуетъ, что любовь его къ Китти еще не разсѣялась въ немъ, и потому, не желая напрасно мучить себя, онъ не ѣздитъ въ Ергушево — имѣніе Дарьи Александровны.

Но разъ зимою въ Москвѣ Левинъ, будучи приглашенъ на обѣдъ къ Облонскимъ, впервые встрѣтился съ Китти послѣ ихъ объясненія. Встрѣча эта имѣла для нихъ рѣшающее значеніе. Левинъ снова сдѣлалъ предложеніе Китти, и она приняла его. Обвѣнчавшись въ Москвѣ, молодые уѣхали въ имѣніе Левина. Жизнь ихъ потекла спокойно и счастливо. Левинъ и Китти отдаются хозяйству и воспитанію дѣтей.

Краткое обозрѣніе главныхъ типовъ романа.

Анна Каренина представляетъ собою исключительную натуру. Она вся отдается чувству своей любви. Подъ вліяніемъ любви, она совершенно отстранилась отъ общества, отъ жизни, заключила всю

себя въ одно это чувство и ревниво его стерегла. Для Вронскаго она принесла въ жертву все: и свое общественное положенiе, покой, семью и даже столь нѣжную любовь къ сыну. Но зато подобной же глубины чувства она требовала отъ Вронскаго къ себѣ самой. Она ревновала его не только къ окружающимъ людямъ, но даже къ службѣ, занятiямъ, прежнимъ привязанностямъ и къ самой жизни. Она требовала отъ Вронскаго, чтобы и онъ, подобно ей самой, также былъ поглощенъ отвѣтной къ ней любовью. Но любовь его, по наблюденiю Анны, уменьшилась; слѣдовательно, разсуждала она, часть любви его перенесена на другихъ или на другую женщину, и Анна ревновала. Заключенiе этой душевной трагедiи уже извѣстно.

Вронскiй Алексѣй — блестящiй офицеръ, аристократъ, обладатель огромнаго состоянiя. Какъ человѣкъ, онъ имѣетъ много симпатичныхъ чертъ: въ немъ много искренности, мягкости, выдержанности. Онъ не лишенъ и дарованiй и высокихъ стремленiй. Но все это богатство душевное ушло на мелкiя побѣды среди товарищества и особенно у женщинъ. Романъ же съ Анной, казавшiйся ему съ точки зрѣнiя привитыхъ ему воспитанiемъ правилъ, такимъ простымъ, оказался сложнымъ и непостижнымъ для него фактомъ. Вронскiй зналъ по своему, какъ ему поступать въ данномъ случаѣ: въ отношенiи Анны, женщины порядочной и замужней, и въ отношенiи оскорбленнаго ея мужа, т. е. первой отдавать извѣстную долю уваженiя, а отъ втораго ожидать и принять вызовъ объ удовлетворенiи чести съ оружiемъ въ рукахъ на дуэли. Но вышло не то. Анна стра-

дала потому, что у нея былъ сынъ. Каренинъ же не дрался на дуэли, а превратилъ его жизнь въ сплошное страданіе, не давая развода. Такимъ образомъ правила Вронскаго оказались непригодными для жизни, какъ продуктъ извращенной, ненастоящей жизни.

Левинъ представляетъ особенный интересъ въ смыслѣ пониманія самого Толстого. Въ исканіяхъ Левина отразилась внутренняя жизнь самого автора романа за цѣлый рядъ лѣтъ.

Левинъ — выразитель идеи романа. Его рѣчью авторъ высказываетъ собственныя свои воззрѣнія. Левинъ стремится выработать себѣ миросозерцаніе, найти разрѣшеніе вопросовъ, кто онъ, зачѣмъ онъ живетъ, что онъ долженъ дѣлать и т. п. Общепринятыя воззрѣнія людей его не удовлетворяютъ. Науки и философія тоже не могутъ помочь ему. Отсюда въ Левинѣ отрицаніе всѣхъ стремленій культурнаго общества, современнаго ему воспитанія, общественной дѣятельности, свѣтскаго кодекса правилъ, идейной борьбы. Выходъ для себя Левинъ, подобно другимъ героямъ Толстого, находитъ при соприкосновеніи съ трудовой естественной жизнью простого народа. Его поражаетъ высказанная простымъ крестьяниномъ сентенція, что надо жить для Бога, для души. На этомъ догматическомъ и религіозномъ принципѣ Левинъ и основываетъ свое міропониманіе. Такимъ образомъ черезъ крестьянина можетъ спастись баринъ, не трудовая жизнь народа должна итти на выучку къ культурѣ, а напротивъ — эта послѣдняя лживая жизнь высшаго общества должна смириться предъ простой и великой народной прав-

дой. Идея „опрощенія“ въ романѣ этомъ выражена ясно, поставлена лицомъ къ лицу.

Что касается **Китти**, то она раздѣлила участь прочихъ женщинъ, выводимыхъ Толстымъ: стала доброй женой-семьянинкой. Въ оцѣнкѣ женщины Толстой пользуется однимъ лишь этимъ критеріемъ. Женщина внѣ семьи, женщина въ ея стремленіи къ общественной дѣятельности, къ участію въ умственной и политической жизни страны, для Толстого не существуетъ. Китти и Левинъ, Ростовъ и Марья, Пьеръ и Наташа, эти пары, эти семьи, гдѣ мужъ занятъ дѣлами по имѣнію, умственной и служебной жизнью, а жена — кухней и дѣтской, несомнѣнно, представляютъ собой идеалъ Толстого.

„Анной Карениной“ заканчивается періодъ художественно-литературной дѣятельности Толстого въ тѣсномъ значеніи слова тотъ періодъ, который можетъ интересовать обозрѣвателя исторіи собственно литературы.

ТОГО ЖЕ АВТОРА

имѣются въ продажѣ:

„Очерки по исторіи новой русской литературы“ въ объемѣ курса среднихъ учебныхъ заведеній. Плоцкъ, 1912 г. Выпускъ І-ый — А. Грибоѣдовъ и А. Пушкинъ — цѣна 80 к.; вып. II — М. Лермонтовъ и Н. Гоголь — цѣна 1 руб. 20 коп.

„Очерки по исторіи новѣйшей русской литературы“. Плоцкъ, 1912 г. Выпускъ I — И. Тургеневъ и гр. Л. Н. Толстой — цѣна 80 коп.

„И. С. Тургеневъ“. Біографія и разборъ главнѣйшихъ его произведеній. Плоцкъ, 1912 года. Цѣна — 40 коп.

„Графъ Л. Н. Толстой“. Біографія и разборъ главнѣйшихъ его произведеній. Плоцкъ, 1912 года. Цѣна — 50 коп.

Въ непродолжительномъ времени поступятъ въ печать

„Очерки по исторіи русской литературы переходного періода: Карамзинъ, Жуковскій и Крыловъ“.

Складъ изданій въ книжныхъ магазинахъ:

Т-ва **„Новое Время“** (Спб., Невскій пр., 40 и въ провинціальныхъ отдѣленіяхъ), **М. А. Яснаго** (быв. М. Попова, Невскій пр., 66), **Н. П. Карбасникова** (Варшава, Новый Свѣтъ, 69), **„Ступени знанія“** (Москва, Мясницкая, № 5).

Выписывающіе изданія непосредственно отъ составителя ***(г. Плоцкъ на Вислѣ, Тюремная ул., д. Мондржеевскаго)*** за пересылку не платятъ.

Книжнымъ магазинамъ %% **скидка** по соглашенію.

